

Возвращение — эпизод 8 из 12

Правда, дети при мне были, но они тебе не замена, и я все ждала тебя, долгие страшные годы, мне просыпаться утром не хотелось.

А кто он по должности, где работает?

Он служит по снабжению материальной части на нашем заводе.

Понятно. Жулик.

Он не жулик. Я не знаю... А семья его вся погибла в Могилеве, трое детей было, дочь уже невеста была.

Не важно, он взамен другую готовую семью получил и бабу еще не старую, собой миловидную, так что ему опять живется тепло.

Мать ничего не ответила. Наступила тишина, но вскоре Петрушка расслышал, что мать плакала.

Он детям о тебе рассказывал, Алеша, заговорила мать, и Петрушка расслышал, что в глазах ее были большие остановившиеся слезы. Он детям говорил, как ты воюешь там за нас и страдаешь... Они спрашивали у него: а почему? А он отвечал им: потому, что ты добрый...

Отец засмеялся и выбил жар из трубки.

Вот он какой у вас этот Семен-Евсей! И не видел меня никогда, а одобряет. Вот личность-то!

Он тебя не видел. Он выдумывал нарочно, чтоб дети не отвыкли от тебя и любили отца.

Но зачем, зачем ему это? Чтоб тебя поскорее добиться? Ты скажи, что ему надо было?

Может быть, в нем сердце хорошее, Алеша, поэтому он такой. А почему же? Глупая ты, Люба. Прости ты меня, пожалуйста. Ничего без расчета не бывает. А Семен Евсеич часто детям приносил что-нибудь, каждый раз приносил, то конфеты, то муку белую, то сахар, а недавно валенки Насте принес, но они не годились размер маленький. А самому ему ничего от нас не нужно. Нам тоже не надо было, мы бы, Алеша, обошлись без его подарков, мы привыкли, но он говорит, что у него на душе лучше бывает, когда он заботится о других, тогда он не так сильно тоскует о своей мертвой семье. Ты увидишь его это не так, как ты думаешь...

Все это чепуха какая-то! сказал отец. Не задуривай ты меня... Скучно мне, Люба, с тобою, а я жить еще хочу.

Живи с нами, Алеша...

Я с вами, а ты с Сенькой-Евсейкой будешь?

Я не буду, Алеша. Он больше к нам никогда не придет, я скажу ему, чтобы он

больше не приходил.

Так, значит, было, раз ты больше не будешь?.. Эх, какая ты, Люба, все вы, женщины, такие.

А вы какие? с обидой спросила мать. Что значит все мы такие? Я не такая... Я работала день и ночь, мы огнеупоры делали для кладки в паровозных топках. Я стала на лицо худая, страшная, всем чужая, у меня нищий милостыни просить не станет. Мне тоже было трудно, и дома дети одни. Я приду, бывало, дома не топлено, не варено ничего, темно, дети тоскуют, они не сразу хозяйствовать сами научились, как теперь, Петрушка тоже мальчиком был... И стал тогда ходить к нам Семен Евсеевич. Придет и сидит с детьми. Он ведь живет совсем один. Можно, спрашивает меня, я буду к вам в гости ходить, я у вас отогреюсь? Я говорю ему, что у нас тоже холодно и у нас дрова сырые, а он мне отвечает: Ничего, у меня вся душа продрогла, я хоть возле ваших детей посижу, а топить печь для меня не нужно. Я сказала ладно, ходите пока: детям с вами не так боязно будет. Потом я тоже привыкла к нему, и всем нам бывало лучше, когда он приходил. Я глядела на него и вспоминала тебя, что ты есть у нас... Без тебя было так грустно и плохо; пусть хоть кто-нибудь приходит, тогда не так скучно бывает и время идет скорее. Зачем нам время, когда тебя нет!

Ну дальше, дальше что? поторопил отец.

Дальше ничего. Теперь ты приехал, Алеша.

Ну что ж, хорошо, если так, сказал отец. Пора спать.

Но мать попросила отца:

Обожди еще спать. Давай поговорим, я так рада с тобой.

Никак не угомонятся, думал Петрушка на печи, помирились, и ладно; матери на работу надо рано вставать, а она все гуляет обрадовалась не вовремя, перестала плакать-то.

А этот Семен любил тебя? спросил отец.

Обожди, я пойду Настю накрою, она раскрывается во сне и зябнет.

Мать укрыла Настю одеялом, вышла в кухню и приостановилась возле печи, чтобы послушать спит ли Петрушка?